

ГЛАВА 2

ПОНЕДЕЛЬНИК, 2 МАЯ 2005 ГОДА

Аллан Карлсон задумался, уже стоя среди гряды анютиных глазок, тянувшейся вдоль длинной стены интерната для престарелых. Одет он был в коричневый пиджак и коричневые брюки, на ногах имел коричневые тапки. Не законодатель моды, конечно, ну да в его возрасте законодатели моды встречаются не сказать чтобы часто. К тому же он находился в бегах — сбежал с юбилея, что тоже бывает не часто в его годы, во многом потому, что люди его лет тоже, в общем, попадают не на каждом шагу.

А задумался Аллан над тем, имеет ли смысл карабкаться обратно только ради того, чтобы забрать шляпу и туфли. Однако, нащупав, что кошелек, по крайней мере, на месте, во внутреннем кармане, решил, что сойдет и так. К тому же сестра Алис уже не один раз проявляла шестое чувство (где бы он ни прятал брэннвин¹, она его неизменно находила) — а вдруг она как раз сейчас устроит обход и почует неладное?

Лучше сразу уходить и не тратить время, решил Аллан и, скрипя коленками, выбрался из цветника. В кошельке, сколько он помнил, лежала записка в несколько сотенных,

¹ Брэннвин — спиртное крепче 40 градусов. (Здесь и далее — *прим. перев.*)

что хорошо, поскольку скрыться бесплатно может и не получиться.

Он повернул голову и взглянул на интернат, который совсем еще недавно считал своим последним пристанищем на земле. И сказал себе, что помереть можно как-нибудь в другой раз и в другом месте.

Столетний юбиляр пустился в дорогу в своих расписных тапках (названных так потому, что мужчины перезрелого возраста редко попадают дальше своей обуви, когда писают). Сперва по парку, потом по открытому полю, где изредка устраивают ярмарку в обычно таком тихом городке. Через пару сотен метров Аллан зашел за средневековую церковь — главную местную достопримечательность — и опустился на скамью возле нескольких могильных памятников, чтобы дать коленкам успокоиться. Общий градус религиозности в окрестностях позволял рассчитывать, что Аллана там побеспокоят не скоро. Напротив скамейки, где сидел Аллан, по иронии судьбы оказалось надгробие его одногодка, некоего Хеннинга Альготсона. Разница между ровесниками состояла в том, что Хеннинг скончался шестьюдесятью одним годом раньше.

Другой бы на месте Аллана, наверное, задумался, с чего бы этот Хеннинг вдруг взял и помер всего тридцати девяти лет от роду. Но Аллан не имел привычки совать нос не в свое дело, когда без этого можно обойтись, а обойтись, как правило, бывало можно.

Зато он понял, как ошибался, когда, сидя в доме престарелых, мечтал поскорее умереть. Ведь до какой степени и где бы у тебя ни болело, все равно куда интересней и познавательней удирать от сестры Алис, чем смирно лежать под двухметровым слоем земли.

Тут именинник поднялся, пересилив ломоту в коленях, попрощался с Хеннингом Альготсоном и продолжил свой не вполне спланированный побег.

Аллан двигался через кладбище курсом на юг, пока на его пути не оказалась каменная изгородь. Высотой не выше метра, но и Аллан был столетним юбиляром, а не прыгуном в высоту. По ту сторону изгороди маячил мальмчёпингский автовокзал, и тут старик сообразил, куда именно несут его дряхлые ноги. Однажды, много лет назад, Аллан перешел через Гималаи. Вот тогда и правда тяжело пришлось. Так подумалось Аллану, пока он стоял у последней преграды, отделявшей его от автовокзала бюро. Причем подумалось с такой силой, что изгородь на глазах стала сокращаться в размерах. Так что когда она совсем уменьшилась, Аллан успешно ее одолел, несмотря на возраст и колени.

Давка на улицах Мальмчёпинга случается не каждый день, и в тот, весенний и солнечный, ее тоже не наблюдалось. С тех пор как Аллан внезапно принял решение не появляться на собственном юбилее, он не встретил ни единой живой души. В зале ожидания, куда Аллан прошаркал в своих тапках, тоже оказалось почти пусто. Но только почти. В центре зала в два ряда стояли скамейки, спинка к спинке. Все места были свободны. Справа находилось два справочных окошка, одно было закрыто, а за другим виднелся тощий маленький человечек в круглых очечках, с зачесанными набок редкими волосами и в форменной куртке. Когда Аллан прошествовал в зал, человечек оторвался от монитора и озабоченно поднял на него глаза. Наверное, подумал, какой выдался напряженный день: Аллан как раз обнаружил, что он не единственный пассажир. А точнее — что в углу зала стоит долговязый малый с длинными светлыми сальными волосами, всклокоченной бородой и в джинсовой куртке с надписью “*Never Again*” на спине.

Читать малый пожалуй что не умел, судя по тому, как он дергал дверную ручку туалета для инвалидов: похоже, табличка “Закр^ыто”, черными буквами по ядовито-желтому, ему не говорила ровно ничего.

Наконец он отступил-таки к соседней двери, но там тоже случилась незадача. Видно, молодому человеку очень не хотелось расставаться с громадным серым чемоданом на колесах, да только туалет для них обоих был слишком тесным. В такой ситуации, понимал Аллан, придется либо оставить чемодан снаружи на время отправления нужды, либо, задохнувшись чемоданом внутри, остаться снаружи самому.

Впрочем, теперь Аллану было не до того, чтобы вникать в заботы молодого человека. Вместо этого он, старательно переставляя ноги, маленькими шажками подошел к открытому окошку и поинтересовался у маленького человечка, нет ли какого-нибудь общественного транспорта, который шел бы в какую-нибудь сторону, неважно куда, в ближайшие несколько минут, и сколько в таком случае стоит проезд.

Человечек выглядел усталым. И на половине Алланова запроса, видимо, потерял нить, потому что после нескольких секунд раздумья спросил:

— А куда именно господин хотел бы попасть?

Аллан сделал второй заход и напомнил человечку, что цель поездки уже была названа, и в этом смысле она второстепенна по отношению к а) времени отбытия и б) транспортным издержкам. Человечек снова несколько секунд молчал, изучая расписание и проникаясь услышанным.

— Сто второй автобус отходит на Стрэнгнэс через три минуты. Годится?

Да, Аллану это вполне годилось, и тогда ему сообщили, что останавливается упомянутый автобус у самых дверей автовокзала и что удобнее приобрести билет непосредственно у водителя.

Аллан удивился, чем же тогда занимается человечек в окошке, если даже билеты не продает, но озвучивать вопрос не стал. Пожалуй, человечку и самому хотелось бы это знать. Так что Аллан только поблагодарил его за помощь и даже поднес было руку к шляпе, впопыхах забытой в интернате.

Столетний юбиляр опустился на одну из двух пустых

скамеек наедине со своими размышлениями. Чертово празднование должно начаться в три часа, отсюда до интерната двенадцать минут ходу. В любую минуту там могут забарабанивать в его дверь — вот цирк начнется! Виновник торжества усмехнулся про себя, одновременно уловив краем глаза, что к нему кто-то приближается. Это был как раз долговязый малый с длинными светлыми сальными волосами, всклокоченной бородой и в джинсовой куртке с надписью “*Never Again*” на спине. Малый направлялся напрямиком к Аллану, ведя в поводу здоровенный чемодан на четырех колесах. Аллан понимал — есть немалый риск, что с длинноволосым предстоит разговор. А впрочем, может, оно и к лучшему: он как-никак узнает, чем живет и дышит нынешняя молодежь. Беседа и правда состоялась, хотя и не столь глубокомысленная. Малый остановился в нескольких метрах от Аллана, изучающее поглядел на него и изрек:

— Слышь, ты!

Аллан вежливо отвечал, что также желает собеседнику доброго дня, и поинтересовался, не может ли быть чем-либо полезен. Оказалось, что может. Малый хотел бы, чтобы Аллан приглядел за чемоданом, покуда его владелец отправит в туалете свои потребности. Или, как выразился он сам:

— Мне поспать надо.

Аллан любезно отвечал, что, несмотря на возраст и немощь, на зрение он не жалуется, так что присмотр за вещами молодого человека его совершенно не затруднит. Однако посоветовал молодому человеку поторопиться, поскольку Аллану никак нельзя прозевать свой автобус.

Последнего малый уже не услышал, поскольку ринулся в туалет, не дожидаясь, пока Аллан закончит свою мысль.

Столетний юбиляр не имел привычки злиться на других, ни просто, ни за дело, и на неотесанность малого не обиделся. Однако же и симпатией к нему тоже не проникся, а это в свою очередь повлияло на дальнейший ход событий, причем довольно быстро. Дело в том, что автобус подкатил к са-

мым дверям автовокзала спустя всего несколько секунд после того, как малый закрылся в туалете. Аллан взглянул на автобус, потом на чемодан, потом снова на автобус, а потом снова на чемодан.

— У него же колесики, — сказал он себе. — И ремень, за который тянуть.

И неожиданно для себя принял, прямо скажем, жизнеутверждающее решение.

Водитель автобуса оказался услужлив и любезен. Он помог пожилому человеку затащить большой чемодан в салон.

Аллан поблагодарил за помощь и вытащил кошелек из внутреннего кармана пиджака. Водитель поинтересовался, едет ли господин до самого Стрэнгнэса, а Аллан тем временем пересчитал наличность. Шестьсот пятьдесят крон купюрами и еще несколько монет. Аллан решил, что денежки лучше поберечь, поэтому достал купюру в пятьдесят крон и спросил:

— Докуда этого хватит, как вы думаете?

Водитель усмехнулся: обычно люди знают, куда им надо, но не знают, сколько это стоит, а теперь вот наоборот. Потом глянул в свою табличку и сообщил, что за сорок восемь крон можно доехать до платформы Бюринге.

Аллана это устроило. Он получил билет и две кроны сдачи. Свежеукраденный чемодан водитель поместил в багажное отделение позади кабины, а сам Аллан уселся на первом сиденье справа. Отсюда был виден зал ожидания автовокзала. Когда водитель включил передачу и тронулся с места, дверь туалета по-прежнему оставалась закрыта. И Аллан пожелал малому самых приятных минут — с учетом того разочарования, которое поджидало его за дверью.

Автобус на Стрэнгнэс в этот день тоже не был набит битком. На предпоследнем месте расположилась женщина средних лет, севшая во Флене, в середине салона — молодая мама,

вскарабкавшаяся в автобус в Сульберге вместе с двумя детьми, причем один из них был в коляске, а впереди — весьма и весьма пожилой мужчина, который вошел в Мальмчёпинге.

Последний как раз сидел и раздумывал, почему он все-таки украл этот большой серый чемодан на четырех колесиках. Может, потому, что все к тому располагало? И потому, что его владелец грубиян? Или потому, что в чемодане, возможно, есть туфли или хотя бы шляпа? Или потому, что терять старому человеку, в сущности, нечего? Нет, найти ответа Аллан не мог. Но когда живешь уже сверхурочно, то можно позволить себе некоторые вольности, подумал он и успокоился.

В три часа автобус миновал Бьёрндаммен. Аллан отметил, что покамест развитие событий его устраивает. И закрыл глаза, чтобы, как всегда в это время, слегка вздремнуть.

В тот же самый миг сестра Алис постучала в дверь комнаты в мальмчёпингском интернате для престарелых. Потом постучала еще. И еще.

— Хватит капризничать, Аллан. Муниципальный советник и все остальные уже тут. Слышишь? Надеюсь, ты не приложился опять к бутылочке, а, Аллан? Выходи, Аллан! Аллан?

Примерно в то же время распахнулась дверь единственного на тот момент работающего туалета мальмчёпингского автовокзала. Оттуда вышел малый, облепившись, как оказалось, в обоих смыслах. В несколько шагов он достиг середины зала ожидания, одной рукой поправляя ремень, а другой проводя по волосам. Тут он остановился и уставился на два ряда пустых скамеек, затем глянул направо, потом налево. После чего произнес вслух:

— Да дьявола же в душу беса мать...

Потом он перевел дух и пошел на второй заход:

— Ну, ты у меня сдохнешь, старый хрен. Дай только до тебя доберусь.